

Сборник
Сталин. Большая книга о нем
Серия «Лица. Эпизоды. Факты»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8229918
Сталин. Большая книга о нем: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085544-5

Аннотация

Иосиф Виссарионович Сталин – одна из самых неоднозначных фигур в оценке не только современников, но и историков. Его называют героем и палачом, освободителем и трусом, вождем и деспотом. Его личность была возведена в культ еще при жизни, а уже в 1956 году на XX съезде прозвучал доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях»...

Содержание

Часть I. Жизнь Иосифа	5
Глава 1. Легенда о матери	6
Глава 2. Первая любовь	24
Глава 3. Роковой выстрел	33
Глава 4. Светлана Аллилуева	44
Глава 5. Родные лица	61
Глава 6. Ищите женщину!	85
Глава 7. «Переплавка» Кобы	92
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Сталин. Большая книга о нем

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть I. Жизнь Иосифа

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили; Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. Том 1)

Глава 1. Легенда о матери

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили)

Удивительно, но в биографии Сталина, где, казалось бы, все известно «от и до», самой загадочной фигурой является его мать.

Что мы знаем о Екатерине Геладзе, кроме того, что ее звали Кеке и что она как-то призналась сыну: «А лучше бы ты стал священником»?

В 2005 году я первый раз приехал в Тбилиси и, как и большинство туристов, отправился на Мтацминду (в переводе с грузинского «святую гору»), где похоронен Александр Грибоедов.

Могилы автора «Горе от ума» и его жены Нино Чавчавадзе находятся в гроте. А над ним располагается пантеон, где преданы земле великие грузины.

Вместе со мной был мой коллега, журналист из Тбилиси. Он читал по-грузински надписи на памятниках и переводил мне имена легендарных писателей, актеров, общественных деятелей, обретших последний приют на старом тбилисском кладбище.

Указав на черную стелу, увенчанную белым мраморным вазоном и такой же белой лентой, он произнес: «А это – могила матери Сталина. Здесь похоронена Кеке».

Так я впервые услышал это имя.

Спустя три года я снова оказался в Тбилиси. Свет увидела моя книга «Судьба красоты. Истории грузинских жен». После того как ее перевели на несколько языков, а вскоре последовало и второе издание, меня стали считать чуть ли не главным знатоком историй грузинских красавиц. И я был готов согласиться с этим лестным титулом.

Пока одна из тбилисских старушек, с которой мы на удивление быстро нашли общий язык, не сказала, что историю грузинской женщины, изменившей ход всей мировой истории, я так и не написал.

– Кого вы имеете в виду? – спросил я.

– Как? – удивилась старушка. – Разве есть варианты? Конечно же, мать Сталина.

Поначалу эти слова привели меня в замешательство. Но потом я понял, что моя знакомая права. Не появись у Кеке третьего ребенка, как знать, каким оказался бы век двадцатый.

Первым делом, конечно же, я заглянул в энциклопедию. Но там о моей будущей героине сказано не так много:

«Родилась в Гамбареули в семье садовника Георгия Геладзе и Мелании Хомезурашвили в 1859 году, умерла в Тбилиси 13 мая 1937 года».

Самая полная официальная версия биографии матери Сталина впервые была изложена... в некрологе по случаю ее смерти. Где, кстати, у Екатерины Геладзе указан другой год рождения.

Не с матери ли впоследствии брал пример ее знаменитый сын, запутывая своих будущих биографов?

Тбилисская газета «Заря Востока» (№ 129 от 8 июня 1937 г.) писала: «Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори. Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте. В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тбилиси».

Но энциклопедию и газетную статью прочтет любой, ничего нового здесь не откроешь. Где же взять информацию о матери одного из самых загадочных и противоречивых правителей минувшего столетия?

И тут, словно по заказу, мне стали встречаться люди, которые либо лично знали Кеке (да-да, такие еще оставались в Тбилиси), либо могли рассказать о ней со слов своих родителей.

А под конец мне в руки и вовсе попал документ, способный изменить устоявшееся представление о многом и многих.

Но – обо всем по порядку.

Главный вопрос, который по-прежнему любят обсудить в Грузии (и не только), заключается в том, кто же был истинным отцом Сталина – сапожник Виссарион Джугашвили, богатый предприниматель Эгнаташвили или вовсе путешественник Пржевальский, чье изображение на фото действительно имеет много общего с внешностью Сталина.

Причем ясности по этому поводу нет даже в семье самого Сталина.

Его внучка Галина, дочь сына Якова, вспоминала:

«Портниха Альбина (существо мистическое и суперсветское: серебряные черепа на пальцах, независимая прическа), провожая меня до дверей старой коммуналки с необъятными потолками, вдруг перешла на шепот и, как-то даже по-плебейски озираясь, сообщила (до того мы говорили о детях), что по самым проверенным сведениям, подтвержденным «совершенно подлинными» документами, мой дед вовсе не сын Пржевальского и Катерины-матрасницы (о чем знает весь свет), а Пржевальского и некой грузинской княжны «очень, очень» знатного происхождения...»

Называли другие имена – двух или трех местных князей, богатого домовладельца-соседа. По счастью, эти версии хоть не лишали Катерину права материнства.

...В пестром хороводе этих «баллад» самая незавидная роль доставалась все-таки не Катерине (этакой горской Кармен), а злополучному прадеду моему, сапожнику Виссариону Ивановичу. Трубадуры уверяли, что даже и фотография его не фотография вовсе, а то ли муляж, то ли подретушированный снимок самого Деда. Единственный их аргумент удивлял незатейливостью: «А почему она (фотография) только одна? Тогда их было бы много!»

...Как они жили? Думаю, вначале Катерина была сильно увлечена шутником, балагуром и заводилой Виссарионом Ивановичем (возможно, он верховодил в мужских компаниях – и это льстило ей, а дома был с ней разговорчив и ласков). Позднее же началась обычная и скучная семейная история».

Что ж, вот эту самую «обычную и скучную» историю мне и предстоит рассказать.

Основываясь на воспоминаниях тех самых грузин, которым есть что поведать.

И читая документы из собрания Тбилисского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина. (Сегодня в бывшем здании этого заведения, роскошном, спроектированном самим архитектором Щусевым, собираются устроить пятизвездочную гостиницу.)

Кроме сухой информации, там хранились документы, которых вполне хватило бы на целый роман. Их авторы – ровесники и друзья маленького Иосифа, для которых он навсегда остался просто Сосо.

Записка Михаила Цихитатришвили о предках Сталина по отцовской линии:

«Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Анануре. Там царские офицеры арестовали 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили – прадед И.В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горийский уезд, где его взяли в крепостные князя Эристави.

Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако место-

пребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило.

У Ваню Джугашвили (дед И.В. Сталина) родились два сына – Бесо (Виссарион) и Георгий. Ваню развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Ваню одного из сыновей его – Георгия – убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И.В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

...Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую. Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту – Кеке Геладзе».

Конечно же, все эти воспоминания были записаны сотрудниками Института, а потому не стоит удивляться «святости и сиянию», которые от них исходят. Над образом коммунистического божества трудились и на совесть, и за страх.

Георгий Элисабедашвили – о матери Сталина:

«Мать Сосо – Кеке – была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо. После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори, Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кеке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили».

Светлый образ матери «отца народов» описывает и Симон Гогличидзе:

«Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках – кройка и шитье, стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом».

Но кем же на самом деле была мать Иосифа, или Сосо, как его тогда называли?

Сегодня, когда при рассказе о родителях Сталина уже нет необходимости выставлять их «святым семейством», разобраться в этом особенно интересно.

Великий противник Сталина Лев Троцкий писал:

«Как большинство грузинок, Екатерина Джугашвили стала матерью в совсем еще юном возрасте. Первые трое детей умерли во младенчестве. 21-го декабря 1879 года родился четвертый ребенок, матери едва исполнилось двадцать лет». (Здесь Троцкий ошибается – Иосиф был третьим ребенком Кеке и Бесо. – Прим. *И.О.*)

В своей книге «Сталин» бывший соратник вождя уделил немало внимания отношениям в семье Джугашвили – между Виссарионом и его молодой женой. Щедро цитируя воспоминания все тех же ровесников и друзей Иосифа, что хранились в Институте.

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что официально собранные воспоминания обходят почти полным молчанием фигуру Виссариона, сочувственно останавливаясь в то же время на трудовой и тяжелой жизни Екатерины.

«Мать Иосифа имела скудный заработок, – рассказывает Гогохия, – занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля». Мы узнаем таким образом, что забота об уплате за квартиру лежала на матери, а не на отце. И дальше: «Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа», – как если бы отец не принадлежал к семье. Только позже автор вставляет мимоходом фразу: «Отец Иосифа – Виссарион – проводил весь день в работе, шил и чинил

обувь». Однако работа отца не приводится ни в какую связь с жизнью семьи и ее материальным уровнем. Создается впечатление, будто об отце упомянуто лишь для заполнения пробела. Глурджидзе, другой товарищ по духовному училищу, уже полностью игнорирует отца, когда пишет, что заботливая мать Иосифа «зарабатывала на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья».

Иремашвили (однокурсник Сталина по Горийскому духовному училищу и Тифлисской семинарии, в 1922 году покинувший СССР и ставший автором первой биографической книги о Сталине, увидевшей свет в 1932 году в Берлине. – прим. *И.О.*) с теплой симпатией характеризует Екатерину, которая с большой любовью относилась к единственному сыну и с приветливостью – к его товарищам по играм в школе. Урожденная грузинка, Кеке, как ее обычно называли, была глубоко религиозна. Ее трудовая жизнь была непрерывным служением: Богу, мужу, сыну. Зрение ее ослабело из-за постоянного шитья в полутемном помещении, и она рано начала носить очки. Впрочем, кавказская женщина за тридцать лет считалась уже почти старухой. Соседи относились к ней с тем большей симпатией, что жизнь ее сложилась крайне тяжело. Глава семьи, Бесо (Виссарион), был, по словам Иремашвили, сурового нрава и притом жестокий пьяница. Большую часть своего скудного заработка он пропивал. Вот почему заботы о квартирной плате и вообще о содержании семьи ложились двойной ношей на мать. С бессильной скорбью наблюдала Кеке, как Бесо своим отношением к ребенку «изгонял из его сердца любовь к Богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу». «Незаслуженные, страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, как был его отец». Иосиф стал с ожесточением размышлять над проклятыми загадками жизни.

Ранняя смерть отца не причинила ему горя; он только почувствовал себя свободнее. Иремашвили делает тот вывод, что свою затаенную вражду к отцу и жажду мести мальчик с ранних лет начал переносить на всех тех, кто имел или мог иметь какую-либо власть над ним».

Внешне все выглядело благостно. Во время интервью – почти невероятно, что Сталин давал интервью (!) иностранным (!) журналистам, – немецкий писатель Эмиль Людвиг спросил у хозяина Кремля:

– Что сделало вас мятежником? Может быть, это произошло потому, что ваши родители плохо обращались с вами?

В ответ прозвучало:

– Нет! Мои родители были простые люди, но они совсем не плохо обращались со мной.

Сотрудник Государственного Национального музея Грузии Владимир Асатиани рассказывал мне весной 2010 года, как, с его точки зрения, все обстояло на самом деле:

– Семья Джугашвили жила в Гори почти нищенски. Глава семейства, Бесо, дни и ночи пил. Ни гроша не приносил домой, а жену избивал.

Кеке была смазливая, веселая девушка. В доме Якова Эгнаташвили, владевшего лавками, работала прачкой. И в один из дней согрешила с Яковом.

Об этом все знали. Сам Бесо называл Иосифа «Набичвари» (ублюдок), постоянно избивал его. Поэтому левая рука у Сталина была почти парализована.

В одной из драк Бесо и умер.

Он хотел, чтобы Иосиф, как и он, стал сапожником. Но деньги на обучение в духовной семинарии дал именно Яков Эгнаташвили.

Если у вас есть время, могу рассказать об этом подробнее.

Моя мать, Александра Васильевна Шульгина, работала секретарем комиссии по борьбе с беспризорными в Грузии (в Москве такой комиссией руководил Дзержинский). Специально для детей работников ЦИК Грузии в бывшем Дворце царского наместника на Кавказе был устроен детский сад, в который я ходил.

А в это же время в этом Дворце жила мать Сталина Кеке. Потом уже, когда я ходил в школу, я снова оказался в этом Дворце и видел мать Сталина. Она была очень простой женщиной, носила чихти-копи (грузинский женский головной убор, состоящий из картонного ободка и тканевого верха. – *И. О.*). У нее были клетушки, в которых жили куры. И она выходила их кормить.

Что я думаю о том, что настоящим отцом Сталина был Эгнаташвили? Я не думаю, я знаю.

Женой моего дяди была очень красивая женщина, которая работала в редакции газеты – то ли «Заря Востока», то ли «Коммунист». А редактором этой газеты был Василий Эгнаташвили, сын Якова Эгнаташвили, состоятельного жителя Гори. У Василия и тетки завязался роман, и они поженились. У моей мамы сохранились хорошие отношения с теткой, и я продолжал бывать у нее дома.

У тетки были сын и дочь, которых фактически усыновил Василий Яковлевич. Дочь окончила медицинский институт и стала актрисой кино, Лиана Асатиани ее зовут. А сын был бедовым мальчиком, постоянно хулиганил. И чтобы приучить его к порядку и заставить взяться за ум, его решили отдать в Суворовское училище. После войны в Тбилиси находилось Нахимовское училище, а в Кутаиси – Суворовское училище войск КГБ. Туда его и определили. Через какое-то время училище перевели в Ленинград, и парень тоже переехал туда.

Резо его звали.

Но вскоре в дверь тбилисской квартиры его родителей раздался стук – на пороге стоял Резо, которого за хулиганство отчислили из училища и привезли обратно в Грузию. Снова дома был скандал.

А в это время в Москве началась очередная сессия Верховного Совета СССР, депутатом которого был Василий Эгнаташвили, занимавший уже пост секретаря Верховного Совета Грузии. В сталинское окружение он тогда был не вхож, но секретаря Сталина Поскребышева знал хорошо. В один из дней он зашел с ним поздороваться.

– Что ты в таком плохом настроении? – спросил его Поскребышев.

– А чему радоваться? Сына из Суворовского училища отчислили.

– Как? За что?

– Да хулиганил.

Тогда Поскребышев взял трубку правительственной «вертушки» и позвонил командиру училищем генералу Львову:

– Ты что, Николай Васильевич, о... уел совсем? Внука Сталина отчислил?

На следующий же день в Тбилиси за Резо приехал полковник и забрал его обратно в Ленинград. Там на плацу построили все училище и объявили, что курсант Эгнаташвили назначается старшиной курса.

Самое удивительное, что подобное отношение и доверие заставили Резо действительно взяться за ум и стать почти отличником. После училища он поступил в институт иностранных языков и потом долгие годы работал советским резидентом за границей.

Когда Эдуард Шеварднадзе стал первым человеком в Грузии, он пригласил Резо в Тбилиси и назначил его председателем местного КГБ. Но так получилось, что сын родной сестры Резо Лианы стал пианистом и во время гастролей в Испании пошел в американское посольство и попросил политическое убежище. Лексо Торадзе переправили в США, а целый месяц о нем не было вообще никаких известий. Лиана с ума сходила. Когда стало известно, что он бежал в Америку, Резо выгнали из КГБ. А отец Лексо не выдержал разлуки с сыном и очень быстро умер.

Сам Сталин детей Якова Эгнаташвили не признавал за братьев. Но неожиданно в 30-х годах взял Александра (довольно разбитного, надо заметить, парня) в Москву и сделал его начальником 9-го управления Кремля, отвечавшего за охрану Кремля. Он имел чин гене-

рал-полковника. Попутно выдвигали и другого сына Якова Эгнаташвили – Василия. Он был, как я говорил, секретарем Верховного Совета Грузии.

Александр умер в 1948 году. Похоронили его в Гори. Я был на тех похоронах, они были очень пышные.

После смерти Александра Сталин приблизил к себе Василия. Тот подолгу жил у Сталина, а когда вождь приезжал в Цхалтубо, они все время проводили вместе.

После смерти Сталина, буквально на следующий день, Василий был арестован. Берия обвинил его в доносах на него самого и его окружение, так называемую менгрельскую группу. Василия Эгнаташвили освободили на второй день после ареста Берии.

Едва закончив свое повествование, Владимир, или Вилли, как его называли в Тбилиси, Асатиани предложил познакомить меня с Тамарой Геладзе.

– Почему у нее такая фамилия? Не родственница ли она матери Сталина? – спросил я.

– Не просто родственница, а внучка ее родного брата. Она вам сама обо всем расскажет.

И вот через несколько минут я уже разговариваю с Тамарой Геладзе. Ей немного за 70, и внешне она очень похожа на Светлану Аллилуеву, дочь Сталина и свою троюродную сестру.

Любопытно, но сама Светлана признавалась, что во время пребывания в Грузии ей не удалось познакомиться со своими родственниками со стороны Кеке.

«В Грузии было много незаметных, скромных дальних родственников с ее стороны, все они никогда ничего себе не требовали и старались жить незаметно. Инженер, винодел, дирижер оркестра, учитель – они были грузинами и никогда не стремились к Москве. Я знала лишь троюродную сестру отца – старуху Евфимию, как-то перед войной приехавшую в Москву повидать отца, и он узнал ее после нескольких десятилетий.

Сейчас я никого не могла разыскать, чтобы расспросить их о бабушке. Партия и правительство дали мне шофера, но не захотели помочь найти родственников-грузин. Может быть, могли бы рассказать мне что-либо о преследовании их после хрущевской речи? Я не знаю ничего о них, кроме того факта, что они существовали, так как они были детьми этой Евфимии».

Что ж это за время такое было, когда даже о родной бабушке Светлана узнавала не от знавших старуху родных, а из официальных слов работников музея?

«Музей в Гори хранил фотографии бабушки, ее старые очки, больше ничего... Все остальное мне надо было добывать в глубинах памяти “коллективного подсознательного”, в фантазиях, в той церкви, куда она всегда ходила, и в очень немногих рассказах очевидцев. Хотя ее и поместили во “дворец”, последние годы ее жизни обозначены отрезанностью от родичей и друзей: к ней никого не пускали. Кто знает, была ли мирной ее кончина? Отец приехал повидать ее незадолго до ее смерти, и тут она ему и выдала свое последнее материнское слово. Кто узнает, чем прогневили старуху партийные и чекистские стражи? По какой причине она приготовила сыну столь полное презрение к его земной славе? Но ничто не могло изменить ее, она была – как эти горы, как эта сухая земля и скалы».

Выходит, мне повезло больше. Я сумел познакомиться с ближайшей родственницей Кеке. Тамара Геладзе немного смущалась интереса к ее семье:

– В Грузию часто приезжали историки, которые интересовались Сталиным. Но никто из них ни разу не выразил желания повстречаться со мной. Я тоже никогда не стремилась к публичности. Зачем мне это нужно? Хотя, наверное, есть что рассказать.

Мой дед Сандала (Андрей было его полное имя) являлся родным братом Кеке. Он был гончаром, работал в мастерской в селении Гамбареули.

Жили поначалу в деревне Свенети, потом перебрались в Гамбареули. Их отца звали Георгий, он был крестьянин. Старшего брата тоже звали Георгий, Гио его называли. Он был

женат, но детей у них не было. Затем шла Кеке, Екатерина. И младший брат, Сандала, мой дед.

Кеке была мудрая женщина. Не образованная, а именно мудрая. Очень деловая, не сплетница, как многие женщины. О ней самой много что говорили. Что и легкомысленная, и погулять любит. Но на самом деле она была не такой. Да и в Гори ничего про нее дурного не говорили.

Потом уже много небылиц появлялось. Где-то даже написано, что Сталин чуть ли не сын Александра Третьего.

Это же чушь. Кто-то писал, что он сын Пржевальского, который был проездом в Грузии. Называют его отцом и Давришева, он был начальником полиции. Но это тоже сплетня.

Что касается Эгнаташвили, то однозначно ответить на вопрос, был ли он отцом Сталина, нельзя. Но! Кеке была женщиной верующей, соблюдала все обряды и правила. И мечтала, чтобы ее сын стал епископом. Она как-то увидела торжественное шествие, связанное с епископом, и ей этого же захотелось и для сына.

Верующая женщина никогда бы не допустила, чтобы настоящий отец ребенка стал его крестным отцом. А ведь именно Эгнаташвили был крестным Сталина.

Я в свое время спросила бабушку – правда ли то, что говорят об отношениях Кеке и Эгнаташвили? И она ответила, что этим слухам во многом способствуют сами братья Эгнаташвили.

Сталин был хорошо знаком с детьми своего крестного отца. У одного, Саши Эгнаташвили, в Баку были трактир и гостиница, в которых прятался Сосо.

Другой брат, Василий, был человеком другого склада. Очень простым.

Вот простой пример. В Цхнети, поселке неподалеку от Тбилиси, было две дачи – одна, строго охраняемая, принадлежала главному коммунисту Грузии Филиппу Махарадзе, а другая – открытая, незащищенная, Василию.

У Кеке со стороны мужа родственников фактически не было, а с теми, кто был, отношений она не поддерживала.

С женой старшего брата, Гио, тоже.

А вот с моей бабушкой, женой Сандалы, Кеке дружила. Бабушку звали Лиза Нариашвили. У нее было трое детей. После смерти Сандалы ее взяли к себе сестры, которые жили в Тифлисе.

Одна сестра бабушки, Софья Петровна, была замужем за офицером Гиго Кавкасидзе. Полковником он был, дворянином. Другая сестра была замужем за Иосифом Кибилашвили. Я его называла папа Иосеби. Он служил в русской церкви Александра Невского.

И еще была Като, белошвейка. У нее была машинка «Зингер» первого выпуска. Она шила женское шелковое белье с кружевами. Ее муж был столяром, они жили на Мтацминда.

Сестры очень дружили. Носили грузинские национальные костюмы. Только Соня, которая долго жила в России, носила русское платье.

А братья бабушки были ремесленниками, жили в Гори. Один из них, Матвей Нариашвили, был очень умный. Он очень заботился о Кеке. Правда, был с тяжелым характером, его все боялись. Но с Кеке у него сложились хорошие отношения, и он очень помогал в воспитании маленького Иосифа.

Если бы Кеке была легкомысленная, как говорят, то исключено, что о ней бы хорошо отзывались. А Матвей даже дал ей с мужем Бесо место для постройки дома в Гори.

И для меня лично это аргумент, что она не была такой уж влюбчивой (на этом месте сегодня и располагается тот маленький дом, где родился Сталин. – *И.О.*).

Кеке была очень приятной, всегда аккуратно одетой. И всем нравилась. Она была очень трудолюбивая, никогда не сплетничала. Не позволяла себе выйти из дома без головного

убора, хотя многие просто повязывали себе платок на голову, и в принципе этого было достаточно. А она всегда надевала чихти-копи, грузинский национальный головной убор.

«Ах, какая она изящная! – говорили про Кеке. – Какая чистоплотная!»

Главная черта ее характера – быть хорошей матерью. И еще она была своему сыну другом, он с ней всем делился.

Кеке была очень своенравная. Когда ей говорили, что вот, мол, ваш сын такой бедовый, такие вещи творит, она отвечала: «Мой сын собирается стать царем».

Кеке очень помогла моя двоюродная бабушка Като, та самая белошвейка. Хозяином их дома на Мтацминда был некий Чагунава, бухгалтер в семинарии. Он и помог Сосо сдать экзамены. Конечно же, о помощи его попросила Като.

Кеке так и пишет о ней: «Мне помогла моя родственница определить сына в училище». А зачем было помогать Кеке, если бы она не была примерной женой?

Другие сестры бабушки к Кеке относились свысока. Но никогда о кавалерах Кеке не говорили. А время было такое, что стоило появиться хотя бы поклоннику, сразу пошли бы разговоры.

Так что я лично не думаю, что отцом Сталина был не Бесо.

Кто-то пишет, что Кеке была сына. Не могло этого быть, она его обожала (об этом своей дочери Светлане говорил сам Сталин. – *И.О.*).

Она была трудовая женщина, много работала. Отец хотел, чтобы Сосо стал сапожником. Сам Бесо работал на фабрике Адельханова.

Когда он появился в Гори, все девушки мечтали выйти за него замуж. Но он выбрал Кеке. Она говорила потом, что муж спился из-за того, что дети умирали. Когда родился Сосо, она не хотела для него профессии отца. Тогда-то с мужем и случился разлад. Кеке видела сына только слушателем духовной семинарии.

Это, пожалуй, главная роль, которую мать сыграла в жизни (кроме дарования оной) Иосифа – сделала все, чтобы сын поступил в семинарию.

Из воспоминаний Льва Троцкого:

«С похвальным листом Горийского училища в своей сумке пятнадцатилетний Иосиф впервые очутился осенью 1894 года в большом городе, который не мог не поразить его воображение: это был Тифлис, бывшая столица грузинских царей».

Не будет преувеличением сказать, что полуазиатский, полуюропейский город наложил свою печать на молодого Иосифа на всю жизнь. В течение своей почти 1500-летней истории Тифлис многократно попадал во власть врагов, 15 раз разрушался, иногда до основания. Вторгавшиеся сюда арабы, турки и персы оказали на архитектуру и нравы города глубокое влияние, следы которого сохранились и по сей день. Европейские кварталы выросли после присоединения Грузии к России, когда бывшая столица стала губернским городом и административным центром Кавказского края. Ко времени вступления Иосифа в семинарию Тифлис насчитывал свыше 150 000 жителей.

Русские, составлявшие четверть этого числа, состояли, с одной стороны, из ссыльных сектантов, довольно многочисленных в Закавказье, с другой – из чиновников и военных. Армяне представляли с давних времен наиболее многочисленное (38 %) и зажиточное ядро населения, сосредоточивая в своих руках торговлю и промышленность. Связанные с деревней грузины заполняли низший слой ремесленников и торговцев, мелких чиновников и офицеров, составляя, как и русские, примерно четвертую часть населения.

«Рядом с улицами, имеющими современный европейский характер, – гласит описание 1901 года, – ютится лабиринт узких, кривых и грязных, чисто азиатских закоулков, площадок и базаров, окаймленных открытыми восточного типа лавочками, мастерскими, кофейнями, цирюльнями и переполненных шумной толпой носильщиков, водовозов, разносчиков, всадников, вереницами вьючных мулов и ослов, караванами верблюдов и т. д.»

Отсутствие канализации, недостаток воды при жарком лете, страшная въедчивая уличная пыль, керосиновое освещение в центре, отсутствие освещения на окраинах – так выглядел административный и культурный центр Кавказа на рубеже двух столетий.

«Нас ввели в четырехэтажный дом, – рассказывает Гогохия, прибывший сюда вместе с Иосифом, – в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по двадцать – тридцать человек. Это здание и было тифлисской духовной семинарией».

Благодаря успешному окончанию духовного училища в Гори Иосиф Джугашвили был принят в семинарию на всем готовом, включая одежду, обувь и учебники, что было бы совершенно невозможно, повторим, если бы он успел проявить себя как бунтовщик. Кто знает, может быть, власти надеялись, что он станет еще украшением грузинской церкви? Как и в подготовительной школе, преподавание велось на русском языке. Большинство преподавателей состояло из русских по национальности и русификаторов по должности. Грузины допускались в учителя только в том случае, если проявляли двойное усердие. Ректором состоял русский, монах Гермоген, инспектором – грузин, монах Абашидзе, самая грозная и ненавистная фигура в семинарии.

«Жизнь в школе была печальна и монотонна, – рассказывает Иремашвили, который и о семинарии дал сведения раньше и полнее других, – запертые день и ночь в казарменных стенах, мы чувствовали себя как арестанты, которые должны без вины провести здесь годы. Настроение было подавленное и замкнутое. Молодая веселость, заглушенная отрезавшими нас от мира помещениями и коридорами, почти не проявлялась. Если время от времени юношеский темперамент прорывался наружу, то он тут же подавлялся монахами и наблюдателями. Царский надзор над школами воспрещал нам чтение грузинской литературы и газет. Они боялись нашего воодушевления идеями свободы и независимости нашей родины и заражения наших молодых душ новыми учениями социализма. А то, что светская власть еще разрешала по части литературных произведений, запрещала нам, как будущим священникам, церковная власть. Произведения Толстого, Достоевского, Тургенева и многих других оставались нам недоступны».

Дни в семинарии проходили как в тюрьме или в казарме. Школьная жизнь начиналась с семи часов утра.

Молитва, чаепитие, классы. Снова молитва. Занятия с перерывами до двух часов дня. Молитва. Обед. Плохая и необильная пища. Покидать стены семинарской тюрьмы разрешалось только между тремя и пятью часами. Затем ворота запирались. Переключка. В восемь часов чай. Подготовка уроков. В десять часов – после новой молитвы – все расходились по койкам. «Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке», – подтверждает Гогохия.

Согласно официальной версии, Иосиф Джугашвили был исключен из духовной семинарии. Мать утверждала обратное: «Он не был исключен, я его сама взяла».

А одноклассник Сосо по семинарии, Гогохия, вспоминал:

«Иосиф перестал уделять внимание урокам, учился на тройки – лишь бы сдать экзамены. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится «на тройки», и добился постановления об исключении его из семинарии».

Что касается «свирепого монаха Абашидзе», то он впоследствии стал ректором Духовной семинарии Тифлиса.

Иосиф учился на пятом курсе семинарии, когда ректор застал его за чтением запрещенной книги. Отец Димитрий попытался забрать ее у Джугашвили, но тот вновь вырвал книгу из рук священника.

«Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?» – воскликнул ректор семинарии. И услышал ответ семинариста: «Вижу перед собой черное пятно и больше ничего».

В мае 1899 года Иосиф Джугашвили покинул стены семинарии. Как писал «Духовный вестник Грузинского экзархата», он был исключен из-за неявки «по неизвестной причине» на экзамен. Сам Иосиф в 1931 году объяснит свое исключение более красочно: «за пропаганду марксизма». А его пути с бывшим ректором семинарии еще пересекутся.

О судьбе отца Дмитрия Абашидзе мне рассказал владыка Дмитрий, митрополит Батумский и Лазский Грузинской Православной церкви.

В годы Советской власти бывший ректор семинарии и облеченный неограниченной властью бывший семинарист поддерживали отношения. Абашидзе не раз писал в Москву с просьбами освободить из заключения служителей церкви. Сталин выполнял просьбы священника и помогал ему, как говорили, в том числе и материально. А один раз даже спас жизнь.

Накануне Великой Отечественной отец Дмитрий оказался в Киеве, где был снова арестован. В НКВД поступил донос на человека, который посмел «исключить из семинарии великого Сталина». Но и в этот раз никаких санкций не последовало.

Когда Киев был оккупирован фашистами, монах Антоний (это имя взял себе отец Дмитрий, приняв монашеский постриг) проводил службы в Киево-Печерской лавре. Там он и встретил мученическую смерть. В 1942 году его расстреляли немцы.

Сегодня схиархиепископ Антоний (Абашидзе) причислен к лику святых Украинской православной церкви.

Кеке воспитала в сыне чувствительность к женским просьбам. Особенно к просьбам матери. Пусть и чужой.

Я почувствовал это после изучения записки, созданной примерно в 1898 году, когда Иосиф Джугашвили был еще семинаристом.

Читаешь и начинаешь думать – а ведь он и правда мог стать хорошим священником.

Орфография сохранена:

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг – избавить Вас от недоразумений на счет неисполнения мною данного Вам слова – возвратиться в семинарию в понедельник – обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресенье. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне – Свенеты. В понедельник перевезли туда умершего, а во вторник похоронили. Я решил было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающий руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершего со слезами умоляет меня «быть ей сыном хоть на неделю».

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простоте, решил тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих. Воспитан. И. Джугашвили».

Записка хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГаСо), где есть отдельный фонд, в котором собрана коллекция личных бумаг саратовских епископов. Большую ее часть составляют бумаги Преосвященного Гермогена, бывшего в 1901–1903 гг. Вольским Викарием, а позднее (1903–1912 гг.) епископом Саратовским и Царицынским. Среди этих документов сохранилась часть, относящаяся к периоду служения Владыки Гермогена в городе Тифлисе ректором Тифлисской Духовной Семинарии (1893–1901 гг.).

Не менее любопытно и письмо преподавателя Тифлисской семинарии отца Василия (Карбелашвили), с которым меня познакомила правнучка автора. Отец Василий в свое время преподавал у Иосифа. И в мае 1923 года не побоялся написать своему бывшему ученику:

«Глубокоуважаемый батона Сосо!

Вы удивитесь воспоминаниям старого учителя и такому длинному письму, которое вам должно напомнить, что было, и заставить задуматься о том, что есть, и том, что будет.